

Цифры и числа в русских переводах с корейского

© кандидат филологических наук *Е. Н. Филимонова, 2001*

В корейских средневековых поэтических и прозаических произведениях одно из важных мест занимают цифры. Использование цифровых обозначений по сути своей глубоко национально. Цифры несут информацию о нормах и правилах поведения, морально-нравственных критериях, характерных для данного языкового социума. В художественных переводах цифры являются носителями культурной коннотации "трансляторами" иной культуры иного менталитета иного мировосприятия (см об этом Сорокин 1977: 172-173). То, что легко воспринимается носителями корейского языка, вызывает трудности у русскоязычного читателя при знакомстве с корейскими произведениями.

Цифры входят в состав так называемых речений-нумерологем (термин Ю.А. Сорокина. — см. Сорокин 1998, 130). Одно из подобных речений — *шесть свадебных обрядов (церемоний)*, а также комментарии к нему, были подробно описаны нами в статье "Речения-нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского)" (см. Филимонова 2000, 87-92).

Такие речения-нумерологемы, как *пять видов отношений, три правила поведения, семь пороков женщины, три года траура* и мн. другие, как мы уже подчеркивали в нашей предыдущей статье, являются лакунизированными в сильной степени для носителей русского языка и требуют обязательного пояснения.

В средневековых корейских произведениях в составе речений-нумерологем встречаются следующие цифры: 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 100, 1000 и т.д.

"Король — отец своего народа: если он правит народом по *Трем установлениям* и *Пяти видам отношений*, тогда свершается невозможное: сбываются желания вельмож и простолюдинов, издаются мудрые указы, а супружество почитается священным и супруги живут по *Пяти нормам*" ("Жизнеописание королевы Инхён" 1985 69-70). В Примечании на странице 434: "*Пять видов отношений* (у Лунь) — *пять видов отношений* между людьми насчитываемых конфуцианской этической теорией: между государем и подданными, родителями и детьми, старшими и младшими, братьями и сестрами, друзьями. Эти отношения конфуцианцы кладут в основу государства и общества" (Составители Примечаний Д. Елисеев Л. Меньшиков).

В силу порой неясных причин многие речения-нумерологемы остаются без комментария. Так в приведенном выше отрывке без комментария остались *Три установления*.

Информацию о *Трех правилах поведения* находим в Комментариях к повести "Верная Чхунхян" (1990).

"В семь лет она уже читала "малое учение", день за днем училась вести домашнее хозяйство и скромно себя держать. Ведь в ней заложено доброе семя! Она все постигла, даже знает о *трех правилах поведения!*" ("Верная Чхунхян" 1990: 42); "Я не нарушила ни *трех правил* ни *пяти основ*, за что же мне связали руки ноги? (Там же 84). В Комментариях на странице 366: "*Три правила поведения* — Имеются в виду *три конфуцианских правила отношений* — между государем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой" (Составитель Д. Елисеев).

Обращает на себе внимание тот факт, что в этом Комментариях отсутствует какая-либо информация о *пяти основах*. Следует заметить, что составитель двух Комментариев один — Д. Елисеев).

В моральный кодекс той эпохи входят *пять* так называемых "*вечных и три нравственных начала*".

"Шло время. Сим Чхон исполнилось пятнадцать лет: красавица, почитательна к старшим, талантлива, образованна. Она усвоила *пять вечных добродетелей и три нравственных начала*, исправно вела хозяйство" ("Подвижница Сим Чхон" 1990: 207). В Комментариях на странице 376: "*Пять вечных добродетелей*: человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость, верность; *три нравственных начала* — преданность подданным, почитательность сыновей и добродетельность жен" (Составитель Комментария Д. Елисеев).

Для женщин средневековым китайским и корейским "домостроем" были установлены Правила поведения — *семь пороков*. Наличие одного из этих пороков могло стать поводом для развода и возвращением ее в дом родных.

"По закону жену нельзя бросать, если у нею нет *семи пороков*, вы разве этого не знаете?" ("Верная Чхунхян" 1990: 59).

В Комментариях на странице 369: "*Семь пороков* женщины (так же поводов для развода) — бесплодие, непочтительность к родителям мужа, прелюбодеяние, болезнь, ревность, болтливость, злоязычие" (Составитель Д. Елисеев). Такие же сведения содержатся и в Комментариях к "Запискам" на странице 452 (1985). В Комментариях на странице 743 составленном В. Сорокиным к книге "Сон в нефритовом павильоне" (1982), такой порок женщины, как злоязычие, вообще отсутствует, зато появляется воровство. В Комментариях к "Повести о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхун Хян" (1954-198) отсутствует такой порок, как болтливость. Однако, как и в

предыдущих Комментариях, присутствует такой порок, как воровство, а такой порок, как болезненность, уточняется — наличие заразной болезни (Составитель Л Концевич).

Автор книги "Китай: Страницы прошлого" (Сидихменов 2000, 388) уточняет, что болтливость женщины могла считаться пороком только в том случае, если она вызывала раздоры в семье.

Обратимся к словарям корейского языка для уточнения различий в Комментариях,

"*Семь пороков* женщины — согласно средневековому китайскому и корейскому "домострою" — семь причин, которые дают право мужу развестись с женой, отправив ее в дом родных: неповиновение родителям мужа, отсутствие детей, прелюбодеяние со стороны жены, вороватость жены, заразная болезнь, злоязычие и ревность с ее стороны" (Син Ги Чоль Син Ен Чоль 1975 Т 2 333; Самсонбан 1986 Т 2 1634)

В корейских средневековых произведениях нашли отражение морально-нравственные нормы поведения предписанные религией (в частности, буддизмом).

"Дракон сам наполнил чашу вином и поднес ее гостю со словами: — Мне ли не знать *пятой заповеди?*" (Ким Ман Чжун 1961 36). В Примечаниях на странице 362: "*Пятая из восьми заповедей буддизма*: не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лги, не пей вина, не украшай себя и не услаждай свой слух и взоры танцами и пением, не сиди и не спи на высоких сиденьях и кроватях, не нарушай постов".

"Ботисатва дважды поклонилась и, указывая рукою на лотос, заговорила:

- В этот белый цветок, что от природы чист, весна вселила земной дух. И стал он похож на молодого монаха, который исполнен веры, но не в силах отрешиться мыслью от мирского, не умеет управлять своими *пятью желаниями и семью чувствами*, а значит, грозят ему *семь опасностей и десять грехов*" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 30). В Комментариях на странице 736 дается очень подробное описание *пяти желаний семи чувств* и т д : "*Пять желаний* — стремление к богатству, к противоположному полу, к еде и питью, к славе и желание спать *Семь чувств* — виды эмоций: удовольствие, гнев, печаль, радость, любовь, ненависть, влечение. *Семь опасностей* — согласно одному из толкований: мор, нашествие, мятеж, неблагоприятное расположение звезд, затмение, слишком раннее или позднее начало муссонных дождей. *Десять грехов* – убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, коварство, грубости, непристойности, алчность, гнев, извращенность" (Составитель В Сорокин).

"Если хоть раз увидишь эти края, — сказал (ему) монах, — двадцать восемь созвездий избавят (тебя) от *трех несчастий и восьми бед* и

(ты) обретешь положение положение бессмертного" ("Повесть о Чёк Сёные" 1996, 79). В Комментариях на странице 127: "Три несчастья: огонь, вода, ветер. Восемь бед: болезни живота, жажда, холод, жара, вода, огонь, нож, мятеж" (Составитель А. Троцевич).

В речениях-нумерологемах содержится информация об обычаях и традициях существовавших в корейском обществе того времени. В корейских средневековых произведениях часто упоминается обычай соблюдения *трехлетнего траура* по умершим родителям.

"Похоронив отца в земле, Чедо Кильдон дни и ночи проводил в заупокойных службах, вызывая этим восхищение людей. Бежало время, миновали *три года траура*" (Хо Гюн 1990 279). Комментарий к этому обычаю, составленный Д Елисеевым, имеет самый общий характер: *Три года траура* — Траур по родителям соблюдался строго: чиновники на время траура освобождались от службы, заключенные выпускались из тюрем" (Там же 378).

В Комментарий к повести "Жизнеописание королевы Инхён" (1985 437) Д Елисеев и А Меньшиков рассказывают читателям о той пище и одежде, которую принимали и носили в период *трехлетнего траура* по умершим родителям: "Траур по родителям продолжался *три* года. В это время ели постную пищу, носили одежду из рогожи, чиновники освобождались от службы"

Наиболее полное разъяснение традиции проведения *трехлетнего траура* по умершим родителям встречаем в книге Сон Хёна "Гроздья рассказов Ёнчже" (1994 102-103) (Составитель Д Д Елисеев).

"*Три года (траура)* — В средневековой Корее придавалось чрезвычайное значение соблюдению траура по умершим: траур был не только семейным делом, но и общественным соответствующим по принятым нормам социальной этики. Особенно суровым и неукоснительным был траур по умершим родителям, который должен был продолжаться в течение *трех* лет. Государство всячески поддерживало эту древнюю традицию, возникшую еще в доконфуцианские времена: чиновники на время траура освобождались от службы, причем за ними сохранялась должность и другие соответствующие чину льготы, заключенные освобождались из тюрем и т д В случае смерти родителя почтительный сын (или дочь) должен был носить грубую траурную одежду (белого цвета), воздерживаться от пищи, терпеть холод и т. д., подчеркивая этим свое горе. Он и жить должен был у могилы родителя, для чего возводились специальные строения — хижины и т. п."

С нашей точки зрения, такого рода подробные разъяснения корейских традиций необходимы читателю с иным менталитетом и мировоззрением. Они способствуют более глубокому "погружению" читателя в мир иных чуждых ему традиций, правил и обычаев, помогают почувст-

вовать атмосферу средневековой Кореи. К сожалению, такие разъяснения очень редко встречаются в переводческой практике. Возможно, причиной этого является боязнь переводчиков стать "нянькой" для своего читателя, утомить его долгим и нудным толкованием того или иного феномена чужой культуры. Подробные пояснения, как нам кажется, лучше, чем неудовлетворенность читателя по поводу существования в тексте перевода "белых пятен" – лакун.

Нормами поведения того времени было *троекратное* повторение одного и того же действия. Это нашло отражение в корейских средневековых произведениях.

"*Трижды* король повелевал министру привести во дворец дочь" ("Жизнеописание королевы Инхён" 1985 64); "*Три* дня посланник уговаривал ее отворить ворота, но она была непреклонна" (Там же 77); "Королева *трижды* отказывалась от участия в пиршестве, но Король настоял на своем" (Там же 87); "Супруга Са *три* раза обнимала, ее наконец они распрощались" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 368).

Существовавшая в средневековой Корее и дошедшая до наших дней ритуальная система поклонов также нашла отражение в корейских средневековых повестях В средневековой Корее *дважды* кланялись родителям замужняя женщина — свекру и свекрови, мужчина — тестю и теще; *четырежды* кланялись лишь Богу, королю и вельможам.

"Затем она *дважды* в ноги поклонилась отцу с матерью, спросила их о добром здоровье" ("Сказания о госпоже Пак" 1960 514); "Встретив тестя, как водится, *двукратным поклоном*, стали они беседовать о жите-бытье за истекшие годы" (Там же 515); "*Четырежды* поклонилась она трону и вручила послание своего короля" ("Сказание о госпоже Пак" 1960 522).

Цифры несут информацию о символах эталонах стереотипах принятых в данном языковом коллективе.

Например, *десятью символами долголетия и счастья* у корейцев считались: солнце, гора, вода, камень, облака, сосна, трава бессмертник, черепаха, журавль и олень (см "Верная Чхунхян" 1975 817). *Пятью счастливыми дарами* считались – здоровье, долголетие, тихая кончина от старости, а также добродетель и богатство (см об этом "Верная Чхунхян" 1990 376; "Подвижница Сим Чхон" 1990 214).

В *восемь изысканных яств* в разные времена в Корее включали: печень дракона, мозг феникса, губы обезьяны, лапу медведя и другие фантастические или экзотические блюда (см "Сон в нефритовом павильоне" 1982 31; 736). Л Концевич в Комментариях к "Верная Чхунхян" выделяет другие *восемь лакомств-деликатесов*, которые подавали к столу китайского императора: медвежьи лапы, оленьи хвосты, утиные

языки, икра электрического ската, верблюжий горб, хвосты карпа и бычьих мозги (см. "Верная Чхунхян" 1975 818).

"- До чего вкусная еда, — похвалила Чхунхян. — Прямо *восемь лакомств* Роса в фарфоровой чаше!" (Там же 351).

Цифры используются в иносказательных метафорических выражениях, непосредственно связанных с внутренним и внешним строением человеческого тела. *Пять частей тела* – туловище, руки и ноги.

"Остановись подлый Лу Цзюнь! — прокричал Лэй на всем скаку. — По тебе уже давно тоскует моя секира, чтобы отсечь тебе *пять частей тела*, чтобы вспороть твоё брюхо и поглядеть, все ли *шесть внутренних* у тебя человечьи" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 462).

Пять кладовых (внутренностей) тела, то же, что и *шесть кладовых*, только каждая почка считается отдельно – сердце, печень, селезенка, легкие и почки

"Тут старуха обернулась к Чунью — Про тебя не скажешь, что ты животное: с виду у тебя все на месте — и *пять страстей* и *шесть кладовых*" ("Сон в нефритовом павильоне" 1982 244).

Шесть полостей — три верхние полости – рот, пищевод, бронхи и три нижние — желудок с кишечником, желчный пузырь, мочевой пузырь (см об этом "Братья Хынбу и Нольбу" 1990 372).

"У всех людей *пять органов* и *шесть полостей*. У Нольбу же, судя по его злому нраву, их было *семь*" (Там же 113).

Цифры *сто, тысяча* и *десять тысяч* в корейской литературе имеют символическое прочтение и употребляются в основном в устойчивых словосочетаниях.

Так например *столетний союз* — выражение, означающее долгий и счастливый брак.

"*Столетний союз*: наша клятва даже под синими волнами безбрежного моря сохранится" ("Верная Чхун Хян" 1990 36).

Также клятва верности любимому дается на *сто лет*.

"Когда мы с вами встретились, вы клятву верности мне дали на *сто лет*" (Там же 57).

В клятвах часто используется и цифра *десять тысяч*. *Десять тысяч* является символом множественности, большого количества чего-либо. Устойчивые словосочетания, в которых употребляется *десять тысяч*, представляют собой гиперболы.

"Пусть я *десять тысяч раз умру*, но добродетельная женщина ведь не выйдет замуж второй раз" ("Верная Чхун Хян" 1990 97); "Я злодей, какой встречается раз в *десять тысяч лет*!" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 389); "Хоть молодая и прихорашивалась перед подношением даров, но как глянула на нее свекровь, показалась она ей уро-

диной, какой и в *десять тысяч лет* не встретишь на всем белом свете" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 502); "На белоснежном ее лице рдели алые губы, а все *десять тысяч ее форм* были исполнены изящества и очарования" ("Сказание о госпоже Пак" 1960, 517).

Тысяча и десять тысяч часто употребляются в устойчивых сочетаниях для обозначения очень далекого расстояния.

"Вслед за любимым я бы пошла! И *тысячу ли* я бы прошла и *десять тысяч ли* я бы прошла" ("Верная Чхун Хян" 1990 73); "Она за *десять тысяч ли* отсюда — горит в тоске душа моя" ("Бамбук в снегу" 1978 56).

Семь сокровищ — символ богатства в Китае и Корее. Однако состав этих сокровищ менялся, в разные эпохи менялись взгляды на ценностный характер тех или иных минералов. Эти процессы нашли отражения и в литературных произведениях.

"Тело его вдруг стало невесомым, он взвивается ввысь и попадает на небо во Дворец *семи драгоценностей*, плывущий среди прозрачных пятицветных облаков" (Ким Ман Чжун 1961 266).

В Примечаниях на странице 385: "*Семь драгоценностей* — золото, серебро, жемчуг, коралл, агат, янтарь и хрусталь" (Составитель Л Меньшиков).

В Примечаниях к "Запискам" (1985 451) в списке *семи драгоценностей* отсутствует янтарь, однако появляется яшма (Составитель Д. Елисеев).

Часто выражение *семь сокровищ* используется в сравнительных конструкциях: *Семь сокровищ* является эталоном совершенства: с ним сравнивают женскую красоту, добродетель, мастерство.

"Лицо прекрасное, как *семь сокровищ!*" ("Верная Чхун Хян" 1990 80). В Комментариях на странице 370 вместо янтаря, как в предыдущих Комментариях, появляется нефрит (Составитель Д. Елисеев).

"Ее мастерство и добродетель в *десять раз* ценнее, чем подношения *семи сокровищ*" ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 326).

Следует отметить, что в словарях корейского языка также нет единства в определении *семи сокровищ*, из чего делается вывод, что в качестве *семи сокровищ* в разные эпохи и у разных правителей выступали разные ценности, порой не только драгоценные камни (см об этом Самсонпан 1986 и др.).

Вызывает интерес случай использования в одном контексте сразу нескольких речений-нумерологом. Надо отметить, что русскоязычному читателю без специальной подготовки нелегко разобраться в нагромождении различных обрядов традиций правил и норм, принятых в корейском социуме того времени

"Отношения между супругами — одна из норм *пяти устоев* источник всех благ. Так учат народ и те, кто им управляет. Когда госпожа Са вошла в нашу семью, она была добродетельна и не нарушала правил приличия. Мы вместе несли *трехлетний траур* и я не изгнал ее. Шли дни — она все больше распускалась. Заболела мать, и она ушла в свою семью — тогда и раскрылись ее отвратительные поступки. Преступление ее — один из *семи грехов*, и я, опасаясь, как бы духи предков не отказались от жертв, как бы не погасли ароматные курения, изгнал ее. С наложницей Кё мы не выполнили *шести свадебных обрядов*, но она внучка знатных предков, чистота поведения ее видна ("Скитания госпожи Са по югу" 1960 359).

Речения-нумерологемы в текстах переводов являются теми элементами, которые имеют, по выражению Ю.А. Сорокина, "особую национально-специфическую ауру" (Сорокин 1998, 139) и представляют из себя лакуны значительной глубины, которые нуждаются в обязательном заполнении. В отличие от других национально-специфических элементов (культурем), которые переводчик по своему усмотрению может вводить или не вводить в текст перевода, речения-нумерологемы относятся к той части национально-специфических элементов, которые не могут быть проигнорированы и не включены в переводной вариант русского текста, так как исключение подобных элементов могло бы привести к искажению содержания произведения. В большинстве случаев пояснения к цифровым обозначениям довольно подробны и информативны так что русскоязычный читатель может получить достаточно полную информацию о связанных с данными обозначениями традициях ритуалах нормах поведения и т. д.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978. (Перевод А. Жовтиса).
- Братя Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. (Перевод А. Васильева).
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. С. 105-246. (Перевод Г. Рачкова).
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Роман. Перевод с корейск. и ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. (Перевод Г. Рачкова).
- Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Роман. Перевод с корейск. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961. (Перевод Д. Воскресенского и Вл. Сорокина).
- Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь о Чхунхян // Корейские повести. Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1954. С. 75-189.
- Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради. Факсимиле ксилографа. Перевод с корейского. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1996. (Перевод А. Троцевич).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 18. — 132 с. ISBN 5-317-00268-0

- Подвижница Сим Чхон. // Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 193-252 (Перевод Г. Рачкова и Лим Су).
- Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
- Сказание о госпоже Пак. // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547. (Перевод Г. Кузиченко).
- Скитания госпожи Са по югу. // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 323-407. (Перевод А. Троцевич).
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982. (Перевод Г. Рачкова).
- Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ. // Петербургское востоковедение. Спб.: Центр Петербургск. Востоковедения, 1994. Вып. 5. С. 25-109. (Перевод Д. Елисеева).
- Сорокин Ю.А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода. // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 166-174.
- Сорокин Ю.А. Сознание и модусы его существования: Китайская лингвокультурная общность в 1966-1976 гг. // Проблемы этносемантики. Сб. научно-аналитич. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 122-142.
- Филлимонова Е.Н. Речения-нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского). Язык. Сознание. Коммуникация. М.: Макс-Пресс, 2000. Вып. 15. С. 87-92.
- Хо Гюн. Достойный Хон Кильдон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести VIII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 255-284. (Перевод М. Никитиной).
- 삼성판 국어대사전. 서울. 삼성문화사. 1986. 2권.
신기철, 신용철 새 우리말 큰사전. 서울. 삼성출판사. 1975. 2권.